

Гльїн Володимир Васильович - доктор філософських наук, професор, Київський національний університет імені Тараса Шевченка.

ИНВАРИАНТЫ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Для понимания культуры методологического мышления важное значение имеет тщательный анализ научного творчества авторов, представляющих перспективное направление теоретических исследований. В этом контексте большой интерес представляют идеи А. Грейфа, получившие в последние десятилетия в западном философско-экономическом сообществе большой резонанс. Свою методологию он позиционирует как «сравнительный и исторический институциональный анализ» [1, с. 188]. Истоки данного подхода коренятся в исследовательской программе, получившей название «аналитический нарратив». Этот термин означает, что конечным результатом анализа того или иного исторического факта выступает повествование, где событийный ряд выстраивается, исходя из выбранной теоретической концепции. Как правило, таким основанием служат теория рационального выбора и теория игр, а объектом исследования – институциональные структуры, которые либо были специально созданы, либо спонтанно сложились для решения тех или иных проблем.

В данном случае «исторический факт» понимается в широком смысле и может включать развитие явления в долгосрочном периоде. Исторический нарратив – повествование о прошлом как хронологически- последовательное описание и интерпретация событий без стремления выявить породившие их причины. Исследователи, использующие данный метод, считают теорию рационального выбора наилучшим подходом, поскольку она позволяет формулировать опровержимые предположения и тем самым не просто рассказывать истории, а продуцировать историческое знание, поддающееся обобщению и фальсификации. Теоретизирование в рамках аналитического нарратива может опираться и на другие поведенческие предпосылки с использованием эволюционных игр и поведенческой «теории игр».

Технология исследования в рамках аналитического нарратива предполагает выбор конкретной исторической ситуации. Затем на основе анализа исторических документов и литературы идентифицируются ключевые игроки, их цели, предпочтения, правила, которые структурируют их поведение, выбранные ими стратегии и, наконец, исходы взаимодействия. После этого для интерпретации данной проблемной ситуации по индукции конструируется контекстно-специфическая теоретико- игровая модель, задача которой – выразить существо проблемы и показать, каким образом выявленные исходы или события могли развиваться как равновесные решения в игре. Модели строятся исходя из принципа зависимости от траектории предшествующего развития, когда последовательность событий важна с точки зрения выявления механизма причинности [2, с. 102-103].

На следующем этапе поведение «игроков» анализируется в рамках построенной модели методом дедукции, то есть на основе модели делаются предсказания относительно не учтенных в ней компонентов института. Эти предсказания сравниваются с историческими данными. Совпадение теоретических предсказаний с характеристиками реальности означает, что построенная модель верна, несовпадение ведет к корректировке модели и новому сравнению с историческим контекстом. Верификация теоретических идей с помощью исторических реалий позволяет переходить от известных данных к модели и обратно до тех пор, пока модель не будет отражать реальность, после чего она может быть использована для широких выводов и обобщений. Если совпадения не удается

достичь, то теория отвергается [4].

Не все исторические события поддаются анализу с помощью аналитического нарратива. Критериями для отбора кейсов служит возможность выявить каузальные взаимосвязи (важнейший критерий), построить модель и распространить сделанные обобщения на другие кейсы. Достоинство данного метода в том, что он позволяет выявить «механизмы причинности, даже если они на первый взгляд неочевидны, дает возможность построить модели с достаточно небольшим количеством экзогенных факторов и проследить, как изменение величины этих факторов может влиять на институциональное равновесие» [2, с. 103].

Можно сказать, что логика и инструментарий аналитического нарратива практически полностью совпадают с логикой и инструментарием сравнительного институционального анализа. Отличие заключается в объекте исследования: в аналитическом нарративе акцент делается преимущественно на существовавших в прошлом политических и социальных институтах, а в сравнительном институциональном анализе – на современных.

Сам А. Грейф предпочитает называть используемую им методологию как «сравнительный и исторический институциональный анализ». Однако исследовательская стратегия сравнительного и исторического институционального анализа, в сущности, не отличается от стратегии аналитического нарратива и сравнительного институционального анализа. Она состоит из следующих этапов. На первом проводится индуктивный эмпирический анализ, в ходе которого на основе исторических документов исследуются институты, предназначенные для решения одних и тех же проблем, их историческое прошлое, возникновение, механизмы устойчивости и изменчивости, то есть выявляются стратегии игроков. На втором этапе эти институты сравниваются в пространстве и во времени. На третьем этапе для интерпретации данной ситуации строится эксплицитная контекстно- специфическая теоретико-игровая модель и на ее основе делаются предсказания о ненаблюдаемых компонентах института и поведении игроков. Наконец, предсказания тестируются на основе тех же самых исторических документов [5].

Итак, в процессе сравнительного исторического и институционального анализа организации агентских отношений последовательно не соблюдено ни одно из сформулированных условий, которые необходимы для обоснованности выводов о скрытых от наблюдения и сконструированных на основе поведения представлениях – коллективистских и индивидуалистических. Обобщающая концепция двух типов культур – коллективистской, которая тормозит рост, и индивидуалистической, которая ему способствует, – требует серьезного дополнительного историко-фактологического и аналитического обоснования. В настоящее время коллективизм и индивидуализм относятся к числу основных параметров кросс-культурного сравнения различных обществ, а концепция культурной обусловленности социально-экономического прогресса имеет много сторонников. Безусловно, культура имеет значение, но не все экономисты согласны с тем, что это основная движущая сила экономического развития. Например, известный специалист по теории экономического роста Д. Асемоглу не считает культуру главным фактором, объясняющим большую разницу в экономическом росте, которая имеет место между странами за последние несколько столетий [3, с. 357]. Если за успешный экономический рост Южной Кореи, Сингапура, современного Китая «ответственны» азиатские культурные ценности, то довольно сложно объяснить, почему эти ценности не привели к экономическому росту раньше, почему мы не видим подъема экономики в культурно и этнически гомогенной Северной Корее и почему Китай не развивался в период правления Мао Цзэдуна. Д. Асемоглу также подчеркивает отсутствие доказательств того, что культура и ценности европейцев в процессе колонизации играли особую роль в экономическом росте. Нет эконометрических доказательств и

того, что религия имеет значение для динамики экономического роста. По мнению выдающегося французского историка Ж. Ле Гоффа, «тенденция превращения истории коллективного мышления в фактор, объясняющий в конечном счете всю историю – опасная и вредная [2, с. 119].

В целом работы А. Грейфа написаны в духе «модернистской методологии», но они не лишены и постмодернистской риторики. Эффектные концепции, выбор фактов, работающих на результат, и беглое упоминание тех, которые могли бы вызвать когнитивный диссонанс, использование математического аппарата должны убедить и часто убеждают читателя в адекватном отображении реальности, справедливости сделанных выводов. Вместе с тем, несмотря на высказанную критику, представляется, что для реконструкции институтов прошлого и анализа их эволюции методология аналитического нарратива и сравнительного институционального анализа, безусловно, заслуживает пристального внимания и дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьин О. И. Структура экономико- теоретического знания / О. И. Ананьин – М.: Наука, 2005. – 224 с.
2. Дроздова Н. В. В поисках новой методологии: сравнительный и исторический институциональный анализ Авнера Грейфа / Дроздова Н. // Вопросы экономики. – 2011. – № 11. – С. 102-113.
3. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. / D. Acemoglu.- Princeton, NJ; Oxford, UK: Princeton University Press, 2009. P. 117, 123.
4. Bates R. H. The International Coffee Organization: An International Institution / R. H. Bates // Analytic Narratives. – P. 194-230.
5. Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on collectivist and Individualist Societies / A. Greif // Journal of Political Economy. – 1994. – Vol. 102; No 5. – P. 912-950;
6. Greif A. Self-Enforcing Political Systems and Economic Growth; Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy. – Ch. 11.